



<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-811-820>

EDN: WFTHVG


Научная статья / Research Article

Борьба с корреляционизмом: спекулятивный реализм против Хайдеггера

И.А. Девайкин  

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,

Московский государственный педагогический университет, Москва, Россия

 igor.devaykin@mail.ru

Аннотация. Основная проблема, которую пытается решить спекулятивный реализм в лице Квентина Мейясу, Грэма Хармана и Рэя Брассье, – преодоление корреляционизма. Двумя важными фигурами, сыгравшим ключевую роль в становлении корреляционизма, объявляются Иммануил Кант и Мартин Хайдеггер. Корреляционизм является собой такой тип философствования, который постулирует, что человек обладает доступом лишь к связи (корреляции) между субъектом и вещью самой по себе, но не к этим инстанциям по отдельности. Корреляция зачастую имеет антропный характер, т.е. ей является язык, социальные практики, культура, сознание, история, смысл и так далее. Спекулятивный реализм стремится преодолеть корреляционизм и показать, как можно приблизиться к вещи самой по себе. Хайдеггер сыграл значимую роль в становлении корреляционизма – спекулятивные реалисты находятся с ним в активном диалоге. Показывается, что интерпретация и критика идей Хайдеггера спекулятивными реалистами несостоятельна. Спекулятивные реалисты зачастую являются еще большими корреляционистами, чем Хайдеггер, поскольку подменяют понятие вещи самой по себе вещью для нас. Делается вывод, что преодолеть корреляционизм нельзя, но необходимо снизить его влияние посредством ряда техник. К числу таковых практик относится восстановление представления о кантовской вещи самой по себе. Также необходимо ввести представление о пассивном субъекте, который снижает свои познавательные притязания и переключает внимание на аффицирование вещи самой по себе. Кроме того, нужно помнить, что человеческий род не является центром мировой драмы, и судьба его зависит от того, насколько бережно он научится обращаться с независимо существующими от него природными силами, чтобы избежать климатической катастрофы.

Ключевые слова: Мейясу, Брассье, Харман, вещь сама по себе

История статьи:

Статья поступила 01.02.2024

Статья принята к публикации 01.07.2024

© Девайкин И.А., 2024



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Девайкин И.А. Борьба с корреляционизмом: спекулятивный реализм против Хайдеггера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 3. С. 811–820. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-811-820>

The Struggle with Correlationism: Speculative Realism against Heidegger

Igor A. Devaykin  

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
igor.devaykin@mail.ru*

Abstract. The main problem that speculative realism, represented by Quentin Meillassoux, Graham Harman and Ray Brassier, is trying to solve is overcoming correlationism. Two important figures who played a key role in the development of correlationism are Immanuel Kant and Martin Heidegger. Correlationism is a type of philosophizing that postulates that a person has access only to the connection (correlation) between the subject and the thing in itself, but not to these instances separately. The correlation is often anthropic in nature, i.e. it is language, social practices, culture, consciousness, history, meaning, and so on. Speculative realism seeks to overcome correlationism and show how one can approach the thing in itself. Heidegger played a significant role in the development of correlationism – speculative realists are in active dialogue with him. It is shown that the interpretation and criticism of Heidegger's ideas by speculative realists is untenable. Speculative realists are often even greater correlationists than Heidegger, since they replace the concept of the thing in itself with the thing for us. It is concluded that correlationism cannot be overcome, but it is necessary to reduce its influence through a number of techniques. Such practices include the restoration of the idea of the Kantian thing in itself. It is also necessary to introduce the idea of a passive subject who reduces his cognitive claims and switches attention to the affect of the thing in itself. In addition, we must remember that the human race is not the center of the world drama, and its fate depends on how carefully it learns to handle natural forces that exist independently of it in order to avoid climate catastrophe.

Keywords: Meillassoux, Brassier, Harman, the thing in itself

Article history:

The article was submitted on 01.02.2024

The article was accepted on 01.07.2024

For citation: Devaykin IA. The Struggle with Correlationism: Speculative Realism against Heidegger. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(3):811–820. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-811-820>

Введение

В качестве основной идеи в своих программах спекулятивные реалисты выдвинули борьбу с корреляционизмом. Грэм Харман, Квентин Мейясу, Рэй Брассье и Йен Грант называют корреляционизмом такой тип философии, который постулирует доступ человека лишь к связи (корреляции) между

субъектом и вещью самой по себе, но не к вещи самой по себе вне ее отношения с субъектом. Также корреляционизм изучает отношения между означающим и означаемым, ноэмой и ноэзисом, сознательным и бессознательным, субъектом и объектом и т.д. Корреляция неумолимо связана с человеком, поэтому в поле внимания корреляционизма лежат антропные феномены вроде языка, психики, смысла, культуры, истории и социальных практик. Таким образом, корреляционизм полностью исключает в качестве предмета философского исследования вещь саму по себе как структуру, не связанную с любой корреляцией или антропным феноменом.

Спекулятивные реалисты усматривают возникновение корреляционизма в философии Иммануила Канта, а его развитие в учении Мартина Хайдеггера. Наиболее подробно концепцию корреляционизма и историю ее становления реконструировал Квентин Мейясу. По мнению последнего, Кант был первым в истории корреляционизма, кто постулировал, что существует непознаваемая вещь сама по себе. Следующей решающей вехой в истории корреляционизма было не столько отрицание существования вещи самой по себе (в случае, например, Фихте или Гегеля), но, как полагает Мейясу, тезис Хайдеггера о невозможности однозначного суждения в отношении того, существует ли или нет вещь сама по себе. Фихте и Гегель утверждали, что вещи самой по себе нет, поскольку она является лишь понятием мышления, однако из этого факта никак не следует, что вне мышления ничего не существует. На этом основании позиция Хайдеггера расценивается Мейясу как более утонченная, поскольку все-таки допускает возможность существования вещи самой по себе.

Подобное понимание эволюции корреляционизма предложенное Мейясу также поддержали его соратники по движению. Исследователи спекулятивного реализма в контексте этого направления гораздо чаще делали предметом внимания именно философию Канта [1; 2], но не Хайдеггера. Таким образом, наше обращение к Хайдеггеру обусловлено наличием исследовательского пробела в литературе.

По нашему мнению, спекулятивные реалисты оправданно критикуют корреляционизм за то, что тот игнорирует влияние вещи самой по себе на мышление. Во-первых, это связано с тем, что корреляционизм сужает поле философской работы до анализа корреляций, т.е. антропных феноменов. Во-вторых, забывает исток корреляции, поскольку без аффицирования вещью самой по себе корреляция бы не могла возникнуть. Основная проблема, с которой приходится иметь дело в противостоянии корреляционизму, состоит в том, что, пытаясь мыслить вещь саму по себе, субъект неизбежно переносит на нее свойства корреляции. Как, находясь в субъективной оптике, мыслить то, что находится за ее пределами? Как, будучи человеком, вступить в контакт с тем, что лишено антропных свойств, не перенося на это человеческие свойства? В круге этих проблем движется мысль спекулятивных реалистов.

Далее мы увидим, что спекулятивные реалисты необоснованно ставят под сомнение некоторые идеи Хайдеггера и неадекватно их интерпретируют.

Тем не менее нужно согласиться со спекулятивными реалистами, что Хайдеггер неоправданно отказывается признавать важность разговора о вещи самой по себе. Однако представители этого движения предлагают более корреляционистские учения, чем сам Хайдеггер, поскольку вообще в итоге исключают вещь саму по себе. Позицию Хайдеггера в отношении вещи самой по себе мы тоже не считаем полностью верной, так как следует признать факт существования вещи самой по себе. Мы не считаем, что корреляционизм вообще можно преодолеть, однако необходимо снизить его влияние на философию посредством ряда техник, речь о которых будет идти в заключении.

Объектно-ориентированная онтология Хармана против философии привилегированного доступа Хайдеггера

«Привилегия человеческого подхода к миру» [3] – основное положение, против которого выступает Харман. Этого же тезиса придерживается и Хайдеггер, считает Харман. С точки зрения объектно-ориентированной онтологии (далее – ОО) не существует инстанции, от которой бы зависели все вещи, а, значит, нет и привилегированного предмета исследования для философии. Вместо этого ОО исходит из той предпосылки, что все вещи (объекты) являются равными друг другу, то есть они одинаково реальны. Любой объект может проявляться совершенно неожиданным образом, и в этом смысле все объекты равны. Описанное положение дел, которое Харман называет «плоской онтологией» [4], он противопоставляет философии Хайдеггера, которая предполагает, что объекты создаются мышлением, а значит, – привилегированным предметом философского исследования является мышление.

Привычные объекты (включая нас самих) действительно иногда являются нашему сознанию с неожиданных сторон. Однако Харман утверждает, что природа этих явлений находится вне сознания, но обоснования этому тезису не приводит, так как не показывает, каким образом происходит переход от мышления к тому, что с ним не связано. Харман также совершенно неоправданно называет сущности, не зависящие от мышления именно объектами, и более того, – кантовской вещью самой по себе. Харман считает, что этими вещами самими по себе являются любые вещи (вымышленные, природные и искусственно созданные людьми). Более того, эти объекты обладают «чувственностью» и могут вступать в чувственные отношения друг с другом.

Курьез состоит в том, что Харман основным предшественником своей концепции называет Хайдеггера. И утверждает, что подобные тезисы следуют из хайдеггеровской философии. Не надо быть знатоком текстов немецкого мыслителя, чтобы усомниться в том, можно ли приписывать Хайдеггеру подобные идеи. Однако Харман в своих работах упорно повторяет, что именно хайдеггеровский инструмент-анализ стал прародителем основных положений ОО. Напомним, Хайдеггер полагал, что человек в повседневной

деятельности использует какие-то инструменты, при поломке которых в сознании возникают неожиданные явления. Но ведь непредсказуемые явления могут быть порождены и самим сознанием. Однако Харман настаивает на том, что именно нечто независимое от сознания порождает данный эффект. Обоснование данному положению Харман не приводит.

Кроме того, не объясняет Харман, почему то, что находится вне сознания, необходимо является объектом, а также таким объектом, который способен порождать чувственный контакт с другим объектом, в том числе и нечеловеческим. ООО не доказывает и того, что объекты чувственно воспринимаются не только человеком, но еще и друг другом. Выходит, что Харман постулирует «онтологическую плоскость» совершенно произвольно. Хайдеггер, не рискуя и не желая делать подобных утверждений, осмотрительно предлагал сконцентрировать философское исследование лишь на одном типе корреляций, а именно, том, в который включен человек. Мы не выступаем за то, что философии следует вслед за Хайдеггером изучать корреляции вроде языка и экзистенциалов. Хайдеггер действительно преувеличил роль корреляции и перестал уделять должного внимания вещи самой по себе. По нашему мнению, философии следует придерживаться представления о субъекте как пассивной инстанции, что является важным шагом на пути к снижению влияния корреляционизма для философии. Стоит уменьшить познавательную активность и переключить внимание на то, как вещь сама по себе аффицирует субъекта.

Харман также ищет поддержки Хайдеггера, когда формирует свою концепцию – «четверицы» [5]. ООО предполагает, что человеческие и нечеловеческие сущности можно разбить на четыре типа объектов, между которыми существует более десяти видов отношений. Чувственная связь человека с независимо существующим от него объектом (скажем, в том же примере с инструментом, рассмотренном выше) – лишь один из видов отношений. Но мы видели, что наличие данного типа связи Харман не обосновывает так же, как он не объясняет существование и других видов отношений (например, безапелляционно постулирует чувственные связи между нечеловеческими объектами). Напомним, традиционная интерпретация «четверицы» Хайдеггера состоит в том, что есть четыре инстанции: Небо (единство), Земля (множество), Люди (проявленность) и Боги (непроявленность). На эти четыре полюса, считал Хайдеггер, должно ориентироваться мышление, которое стремится преодолеть метафизику. Мы видим, что представление Хармана о четверице не имеет ничего общего с хайдеггеровским, кроме названия.

Таким образом, Харман неправоммерно вводит онтологическую плоскость, поэтому данная идея не способствует борьбе с корреляционизмом. Не удастся Харману и привлечь на свою сторону Хайдеггера, показав преемственность ООО с идеями немецкого философа.

Концепция контингентности Мейясу против корреляционизма Хайдеггера

Подход Мейясу выстраивается вокруг понятия «контингентность», которое Мейясу наиболее обстоятельно разрабатывает в своей книге «После конечности: эссе о необходимости контингентности» [6]. Корреляционизм, обоснованно полагает Мейясу, не стремится «помыслить мир без мышления, мир без данности мира» [6], а иногда выдвигает и более сильный тезис: «что асубъективно не может существовать» [7]. Помимо упомянутых заслуг, решающий вклад Хайдеггера в корреляционизм, по мнению Мейясу, состоит в том, что немецкий мыслитель постулировал изменчивость корреляции. Нужно заметить, что данное утверждение верно лишь относительно философии позднего Хайдеггера. Напомним, что в «Бытии и времени» [8] такая корреляция, как структура экзистенциалов, понималась константно, и только в более поздних текстах «Тождество и различие», «Время и бытие» и «Положение об основании», отношение между человеком и бытием интерпретируется как неустойчивое, случайное.

В «Положении об основании» [9] Хайдеггер исследует ближайшие выводы того, к чему ведет отрицание принципа достаточного основания. Одним из следствий такой процедуры как раз и является то, что посредником (корреляцией) между мышлением и бытием оказывается без-дна, не имеющая основания. Для Хайдеггера данный факт, помимо прочего, означал невозможность субъекта познать реальность, какова она есть без человека. Мейясу, развивая эту идею Хайдеггера, утверждает, что случайна не только корреляция (а как следствие и инстанции, которые она связывает: в данном случае – мышление и бытие), но и вообще что угодно.

Ничего абсолютно не имеет основания – в этом суть контингентности. Мейясу пишет, что контингентность – это «свойство любой вещи и вообще целого мира быть без достаточного основания, и поэтому иметь возможность без всякого основания стать действительно другим» [6. С. 74]. Актуальное состояние вещей и их возможное изменение не имеют и не будут иметь последней причины. Более того, если Хайдеггер рассматривает случайность корреляции как пробел в знании, то Мейясу утверждает, что «контингентность – это знание о возможности-быть-иной какой-либо вещи в этом мире» [6. С. 53]. В данном случае Мейясу стремится провести различие между случайностью и контингентностью. Случайность подразумевает, что вещи необходимо будут меняться – на это нет последней причины. А контингентность значит, что вещи могут как меняться, так и оставаться теми же, но в обоих случаях на это не будет никакой причины. Следовательно, случайность подразумевает необходимое изменение, а контингентность – нет. Мы сомневаемся, что данное различие, как его представляет Мейясу, действительно существует, поскольку вряд ли бы Хайдеггер стал возражать против того, что корреляция может и не меняться, и что основания этому не будет. Таким образом, концепция контингентности не противоречит хайдеггеровскому

подходу, а даже, наоборот, как мы выясним, отдаляет от решения проблемы корреляционизма.

Мейясу также считает, что контингентность, в отличие от случайности, является ничем иным, как вещью самой по себе. Но Мейясу постулирует концепцию контингентности мышлением, и потому не показывает, что контингентность является именно вещью самой по себе, а не вещью для нас. Абсолютное отсутствие основания – не более чем тезис, сформулированный на языке, и выдвинутый определенным мышлением в конкретном социально-историческом контексте. Действительно, мышление может мыслить отсутствие основания у чего угодно (включая самого себя), но кантовская вещь сама по себе здесь не при чем.

Подлинной вещью самой по себе для Мейясу становится не та не познаваемая вещь, которая аффицирует субъекта, а вполне доступная познанию структура, которая позволяет мыслить, что угодно как не имеющее основание. Трудность в том, что Мейясу не приводит обоснования тому, почему контингентность именно то, что не скорректировано с мышлением, а раз так, то контингентность является не больше, чем продуктом мышления, т.е. не вещью самой по себе, а вещью для нас. Мейясу считает, что субъект, открыв контингентность, может позволить себе игнорировать корреляции вроде языка или социально-исторических. Раз трансцендентальные границы упраздняются положением о контингентности, то субъект может познавать нескоррелированную реальность. Мейясу разрабатывает концепцию активного субъекта, который нацелен на интенсивное извлечение знания о контингентности.

По нашему мнению, Мейясу совершает серьезную ошибку, когда неоправданно выдает контингентность за вещь саму по себе, а также формирует представление об активном субъекте. Подобный подход отдаляет Мейясу от борьбы с корреляционизмом, а не способствует ей. Представляется, что концепция пассивного субъекта больше подходит для противостояния корреляционизму, поскольку предполагает, что субъект может совладать со своей неумной энергичностью в отношении того, что не сводится к человеку. Это позволит ему полнее соприкоснуться с вещью самой по себе.

Концепция вымирания Брассье против идеи Dasein Хайдеггера

Одним из лейтмотивов философии Брассье является критика концепции Dasein [10; 11]. Брассье считает, что Хайдеггер необоснованно преувеличивает роль смерти. Физическая кончина, по мнению Брассье, не является непреодолимым горизонтом, поскольку рассуждать о смерти можно лишь будучи независимым от нее. Если мышление может мыслить смерть и даже представлять себе, что может быть после смерти, то мышление автономно от смерти, и поэтому смерть не является привилегированным событием в жизни человека. Брассье создает концепцию «вымирания» с опорой на космологическую физику, а именно, теорию «Большого разрыва». Данная концепция

предполагает, что за конечное время темная энергия вследствие антигравитационного эффекта разрушит объекты макроуровня и сделает невозможным генерацию микрочастиц.

Не ясно, по какой причине Брассье считает, что возможность представлять себе нечто существующее после смерти обесценивает физическую смерть. Да, можно размышлять о том, что ждет человека после смерти, но это действие совершает мышление, а значит, это не более чем плод размышлений, которые продолжают быть зависимы от смерти тела. Теория «Большого разрыва» является только представлением, замкнутым в рамках мышления, а значит, Брассье не удалось показать автономность мышления от тела, поэтому Брассье не достигает целей, на достижение которых претендует.

Вообще Брассье регулярно обращается к естествознанию, когда стремится выстроить дискурс о вещи самой по себе. В частности, он опять-таки критикует Хайдеггера за поэтизацию бытия, а также за девальвацию естествознания и математики, аппаратом которой науки пользуются. В текстах Брассье мы вновь не найдем внятного объяснения того, почему именно естественные науки и математика способствуют доступу к вещи самой по себе. Научные теории и математические методы произведены мышлением, а их однозначная связь с вещью самой по себе Брассье не была продемонстрирована. Мы не хотим сказать, подобно Хайдеггеру, что философии следует сделать ставку на поэзию, однако не обладает таким правом и естествознание, а также математика. Брассье необоснованно упрекает Хайдеггера в том, что тот «отрицает онтологическую автономию “времени как такового” и сводит ее к нашей темпоральности» [10. Р. 156]. Сам Брассье при этом не показывает, как космологическое время, существующее, по его мнению, вне мышления, оказывается не просто идеей мышления, но нескоррелированной с человеком структурой. Выходит, что темпоральность, о которой говорит Хайдеггер, все-таки первичней космологического времени.

Брассье полагает, что Dasein обесмысливает научные высказывания о событиях, предшествовавших возникновению самого Dasein, поскольку рассматривает их как существующие лишь в момент мышления над ними. Действительно, современное естествознание имеет массу теорий, которые детально подтверждены эмпирически (например, эволюция жизни, или Большой взрыв), и доказанность которых отрицать невозможно. В то же время научные теории представляют собой лишь продукт мышления, поэтому события, предшествующие появлению Dasein, являются вымыслом ученых. Это противоречие – Брассье прав, когда указывает на него. Полагаем, что выхода из этой ситуации нет, поэтому стоит смириться и жить с этим противоречием: действительно, науки высказываются о чем-то существующем, что предшествовало возникновению мышления (и без чего мышления бы не было), но все эти события существуют как продукт мышления.

Слепая вера в науку у Брассье соседствует со стремлением к активному познанию вещи самой по себе. Как и в случае с Мейясу, мы считаем, что

познавательная активность вредит борьбе с корреляционизмом. Брассье не обосновывает то, почему естествознание высказывается о вещи самой по себе, поэтому познавательная деятельность субъекта замкнута исключительно в рамках вещи для нас.

Заключение. Техники снижения корреляционизма

Спекулятивный реализм не смог противопоставить Хайдеггеру чего-то существенного. Однако позиция немецкого мыслителя нуждается в критике, поскольку Хайдеггер и вправду недооценивал влияние кантовской вещи самой по себе на человека. Заслуга спекулятивного реализма состоит в том, что он сфокусировал внимание на корреляции и показал, зачем это необходимо сделать. Из неудавшегося опыта преодоления корреляционизма следует также сделать положительный вывод: провалом своих программ спекулятивные реалисты продемонстрировали невозможность преодоления корреляционизма.

Избавиться раз и навсегда от корреляционизма не выйдет, но необходимо применять ряд техник снижения его влияния. Нужно начать с восстановления представления о кантовской вещи самой по себе. Помимо этого нам не стоит забывать о том, что вещи как таковые, какие они существуют без связи с человеком, непознаваемы. Следует также придерживаться понимания субъекта как пассивной инстанции, которая терпеливо ожидает встречи с чем-то отличным от себя и не стремится примешивать к такой вещи самой по себе антропные свойства.

Кроме того, нужно помнить, что мы, люди, не являемся центром космической драмы и нам стоит быть более внимательным к силам, которые автономны от человека и способны нас уничтожить. Важно умерить активность субъекта в отношении природы – ту активность, которая стимулирует возникновение экологических катаклизмов, ведущих к пагубным последствиям для человека.

Список литературы

- [1] *Gratton P.* Speculative realism: Problems and Prospects. London : Bloomsbury, 2014.
- [2] *Черняк Н.А.* Спекулятивный реализм vs корреляционизм // Вестник Омского университета. 2019. Т. 24. № 2. С. 188–192.
- [3] *Харман Г.* О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 2. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/ozameshhayushhej-prichinnosti.html> (дата обращения: 10.10.2023).
- [4] *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М. : Ад Маргинем, 2021.
- [5] *Харман Г.* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле-Пресс, 2015.
- [6] *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности. М. : Кабинетный ученый, 2016.
- [7] *Meillassoux Q.* There is contingent being independent of us, and this contingent being has no reason to be of a subjective nature. Boucher M.-P., transl. Режим доступа:

<https://quod.lib.umich.edu/o/ohp/11515701.0001.001/1:4.4/--new-materialisminterviews-cartographies?rgn=div2;view=fulltext> (дата обращения: 09.10.2023).

- [8] Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академ. проект, 2013.
- [9] Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ.
- [10] Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. London : Palgrave Macmillan, 2007.
- [11] Brassier R. *Prometheanism and its Critics // #Accelerate: The Accelerationist Reader*. Oxford : Ubranomic, 2014. P. 467–489.

References

- [1] Gratton P. *Speculative realism: Problems and Prospects*. London: Bloomsbury; 2014.
- [2] Chernyak NA. Speculative realism vs correlationism. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2019;24(2):188–192. (In Russian).
- [3] Harman G. On Vicarious Causation. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2012;(2). Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/ozameshhayushhej-prichinnosti.html> (accessed: 10.10.2023). (In Russian).
- [4] Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*. Moscow: Ad Marginem publ.; 2021. (In Russian).
- [5] Harman G. *L'Objet quadruple*. Perm': Gile-Press publ.; 2015. (In Russian).
- [6] Meillassoux Qu. *After Finitude. An Essay on the Necessity of Contingency*. Moscow: Kabinetnyi Utchenyi publ.; 2015. (In Russian).
- [7] Meillassoux Q. There is contingent being independent of us, and this contingent being has no reason to be of a subjective nature. Boucher M-P, transl. Available from: <https://quod.lib.umich.edu/o/ohp/11515701.0001.001/1:4.4/--new-materialisminterviews-cartographies?rgn=div2;view=fulltext> (accessed: 09.10.2023).
- [8] Heidegger M. *Being and Time*. Moscow: Akadem. Proekt publ.; 2013. (In Russian).
- [9] Heidegger M. *Founding clause*. Siant Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SPbGU. (In Russian).
- [10] Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. London: Palgrave Macmillan; 2007.
- [11] Brassier R. *Prometheanism and its Critics*. In: *#Accelerate: The Accelerationist Reader*. Oxford: Ubranomic; 2014. P. 467–489.

Сведения об авторе:

Девайкин Игорь Александрович – кандидат философских наук, преподаватель, кафедра философии естественных факультетов, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4; доцент, кафедра философии, Московский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1. ORCID: 0000-0001-8938-9566. SPIN-код: 6465-7051. E-mail: igor.devaykin@mail.ru

About the author:

Devaykin Igor A. – CSc in Philosophy, Lecturer, Department of Philosophy of Natural Faculties, Philosophical Faculty, Lomonosov Moscow State University, 27-4 Lomonosovskiy Ave., Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation; Associate Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, 1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8938-9566. SPIN-code: 6465-7051. E-mail: igor.devaykin@mail.ru